

<http://spero.socpol.ru>

№ 2. Зима 2005

Журнал издается Независимым институтом социальной политики

<http://www.socpol.ru>

Редакционная коллегия

Главный редактор	Малева Татьяна Михайловна, к.э.н., директор НИСП
Зам. главного редактора	Синявская Оксана Вячеславовна, к.э.н., зам. директора НИСП, директор программы международного сотрудничества НИСП
Ответственный редактор	Добрякова Мария Сергеевна, к.соц.н., директор публикационной программы НИСП

Координаты редакции

Москва, Глинищевский переулок, д. 3

Тел.: (095) 786 6718

Факс: (095) 292 9651

Е-mail: **spero@socpol.ru**

Редакционный совет журнала

Павлова-Сильванская Марина Павловна (<i>председатель</i>)	к.и.н., Московский центр Карнеги, консультант журнала <i>Pro et Contra</i> Московского центра Карнеги
Аузан Александр Александрович	д.э.н., профессор, Президент Института Национального проекта «Общественный договор», Президент Международной конфедерации обществ потребителей
Васильев Сергей Александрович	д.э.н., представитель в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от правительства Ленинградской области, Председатель Комитета Совета Федерации по финансовым рынкам и денежному обращению, научный руководитель Международного центра социально-экономических исследований «Леонтьевский центр»
Вишневецкий Анатолий Григорьевич	д.э.н., действительный член РАЕН, руководитель Центра демографии и экологии человека ИПП РАН, главный редактор информационного бюллетеня «Население и общество», главный редактор электронного еженедельника «Демоскоп Weekly»
Малева Татьяна Михайловна	к.э.н., директор НИСП, главный редактор журнала
Полетаев Андрей Владимирович	д.э.н., профессор, заместитель директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ-ВШЭ, заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений РАН
Ясина Ирина Евгеньевна	к.э.н., директор проекта РОО «Открытая Россия»

Содержание

От главного редактора4

Экспертное мнение

Зубаревич Н.В. Социальное партнерство в регионах: как учитывать интересы крупного бизнеса?5

Шевчук А.В. Социальная роль бизнеса в моделях корпоративного управления.....17

Великий П.П., Михеев П.А. Российское село в перспективе вероятных перемен27

Обзор зарубежного опыта

Уочман П., Форстер М. Социальная ответственность бизнеса / Международная юридическая фирма «Freshfields Bruckhaus Deringer» (*перевод М.С. Добряковой*)....39

Мнение зарубежных экспертов

Брэдгард Т. Социальная ответственность бизнеса между государственной политикой и политикой предприятий (*перевод М.С. Добряковой*).....50

Социальное законодательство

Заборовская А.С. Государственные гарантии в сфере общего и профессионального образования71

Новое в аналитике: обзор научных публикаций77

Календарь событий.....85

От главного редактора

События последнего времени со всей очевидностью свидетельствуют, что проблемы социального развития окончательно вышли с политической периферии и переместились в эпицентр экономической повестки.

Некоторые из них получили официальный статус приоритета социально-экономического развития страны – директива Президента в обращении к Федеральному Собранию вдвое сократить масштаб российской бедности по общественно-политическому резонансу оказалась вполне конкурентоспособной с задачей двукратного повышения ВВП. Также не без подсказки власти бизнес активно начал обсуждать проблему своей социальной ответственности. Наконец, ставший печально знаменитым закон № 122 о монетизации льгот резко изменил весь социально-экономический и в конечном итоге политический фон начала 2005 г.

В таком контексте неудивительно, что сегодня социальные реформы в России де-факто рассматриваются в качестве крупнейших институциональных и структурных реформ.

В этих условиях как никогда востребован квалифицированный анализ и профессиональная экспертиза проблем, их причин и характера, методов решения и оценки последствий. В содействии решению этой задачи и видится миссия нашего журнала.

Настоящий номер в своей большей части посвящен вопросу о месте и возможной роли российского бизнеса в формировании и реализации социальной политики. Мы сознательно воздерживаемся от термина «социальная ответственность бизнеса», по крайней мере, до тех пор, пока не будут определены возможности и границы его активности в социальной сфере. Российский бизнес относительно молод, что частично объясняет тот факт, что зачастую он не позиционируется как реальный субъект и реальный актор в социальной политике. В этой связи мы обращаемся к мировому опыту, который демонстрирует существование различных (а не одной идеальной!) моделей социальной активности бизнеса. Надеемся, что обсуждение работ российских и зарубежных экспертов положат начало активному взаимодействию экспертного и бизнес-сообщества в поиске оптимальных моделей социальной политики, адекватных российским социально-экономическим реалиям.

Помимо вопросов, которые уже сегодня приобрели статус очевидного приоритета, мы считаем необходимым обсуждать темы завтрашнего дня, и в свете обсуждаемой и грядущей реформы высшего образования предлагаем читателю обзор современного законодательства по этому блоку проблем.

Наконец, есть темы, которые либо забыты, либо по-прежнему остаются на задворках экономической повестки. К ним, например, относится вопрос об аграрной реформе и социальных проблемах современной российской деревни. Обсуждение этих тем, активизация поисков ответов на существующие в этих сферах вопросы также составляет миссию журнала.

Эти аргументы и определили содержание второго номера журнала «SPERO», который мы представляем нашему Читателю.

Т. М. Малева

РОССИЙСКОЕ СЕЛО В ПЕРСПЕКТИВЕ ВЕРОЯТНЫХ ПЕРЕМЕН

Великий П.П., д. филос. н., профессор

Михеев П.А., к. с.-х. н.

Институт аграрных проблем РАН,
Лаборатория социальной структуры и социодинамики села, г. Саратов

Аграрная реформа в представлении ее инициаторов на начальном этапе подавалась как наибольшее благо для наибольшего числа людей, занятых в аграрном секторе. Инициативные люди могли стать самостоятельными, независимыми собственниками-фермерами, остальные – трудиться в крупных хозяйствах, экономическая эффективность которых становилась (в силу включения рыночных стимулов) высокой и поэтому обеспечивала заработки и доходы селян. Ожидалось также, что уменьшится неконтролируемый перелив ресурсов из этих хозяйств в семейные хозяйства, ведь все через акционирование становились собственниками, а похищать у самих себя нет никакого смысла.

Одновременно с этим раздавались голоса экспертов о том, что 80% колхозов и совхозов не выдержат рыночного режима и их ждет банкротство. Объяснение сводилось к непригодности таких хозяйств функционировать самостоятельно. Действительно, на протяжении десятилетий весь АПК действовал на принципах экономики «сдач и раздач». Произведенное в колхозах зерно сдавалось, взамен ему раздавали комбикорма, технику, удобрения. То же происходило в секторах переработки и производства техники: все, что производилось, уходило с предприятий. Об эквиваленте трудовых затрат, сырья, износа оборудования речи не могло быть, так как раздача зарплаты, средств на капитальные вложения, социальную поддержку коллективов осуществлялась государственными ведомствами по особым нормативам.

Вся система обрушилась в короткие сроки: по уровню производства село оказалось отброшенным на 30–40 лет, а по социальным отношениям – в капитализм конца XIX века. Сегодня эти «сюжеты» стали историей, о которой вроде бы и вспоминать не имеет смысла, но мы вынуждены это делать по следующим соображениям. Во-первых, чтобы понять, какими были потенциальные возможности у АПК и сельского населения для более плавного, безболезненного и экономически эффективного вхождения в рыночное общество. Во-вторых, чтобы оценить, что осталось или доступно реанимации к настоящему времени из этого потенциала. В-третьих, чтобы дать хотя бы приближенный прогноз того, каким будет в ближайшие 20–30 лет пространство, называемое сельской Россией.

Итак, что же произошло с селом, понимаемым как совокупность территориальных, поселенческих, демографических, экономических и духовных отношений?

Представим себе среднюю сельскую колхозную семью, где глава семьи, например, механизатор, жена – доярка. Оба ответственно работают, их фотографии не сходят с Доски почета. Семья живет благополучно, имеет небольшое подсобное семейное хозяйство – корову, свинью, десяток кур. Основной источник материальных ресурсов – зарплата, возможность почти бесплатно «выписать» корма для домашних животных. Дети хорошо учатся, и семья проектирует их поступление в вуз за счет колхозной стипендии, поскольку руководство колхоза может пойти им навстречу как передовикам производства. Преобладающее настроение членов семьи – хорошее. По праздникам встречаются с друзьями за обильным столом, иногда выезжают на своем автомобиле в город к родственникам или за покупками вещей, которых нет в сельском магазине. Руководящий

центр через своих идеологов – партийного и комсомольского секретарей, лекторов и агитаторов – информирует о текущих делах в стране, сельском хозяйстве, обещает, что все советские люди в ближайшем будущем будут жить все лучше и лучше.

Затем происходят некие перемены в столице, которые вначале идейным эхом, а затем в виде предписаний власти упраздняют колхоз. Нашей семье выделяют имущественный пай, который в лучшем случае мог оказаться трактором, чаще – только колесом от него. Выделяют также земельный пай – 15–20 га на двоих, который предлагают обрабатывать либо самим, либо оставить в экс-колхозе (АО, ТОО, СПК), что означает получение за его использование дивиденда. Семья, которой действительно досталось колесо от трактора, поскольку другие более влиятельные и знающие члены колхоза – главный агроном, экономист, зам. председателя да и сам бывший председатель – стали фермерами и всю технику забрали себе, решает остаться в новом хозяйстве (АО, ТОО, СПК) с передачей в него своей «собственности».

Далее на новое хозяйство обрушивается шквал рыночных рычагов и санкций «стимулирования» экономической эффективности: грабительские проценты за кредит, штрафы, высокие цены на ресурсы, идущие из города, низкие – на то, что идет из села. Вскоре семья узнает: чтобы рассчитаться по долгам, экс-колхоз должен сдать два годовых дохода. Зарплату платить перестают, руководитель говорит, что банковский счет заблокирован, обещает выдать зарплату натуральными продуктами и немного деньгами за счет сдачи на металлолом конструкций с ферм, машинного двора и других ранее нужных в хозяйстве производственных объектов.

Еще через три–пять лет от стада в тысячу голов крупного рогатого скота осталось пятьдесят коров, из которых то одну, то другую контора продает, чтобы решить какие-то внутрихозяйственные задачи, непонятные для нашей семьи. Ведь всякие собрания трудовых коллективов, обсуждение внутрихозяйственных вопросов прекратились, обсуждение хозяйственных вопросов стало делом исключительно узкого круга лиц – менеджмента предприятия и солидных акционеров.

Что остается делать нашей семье? Она приходит к безнадежному выводу: новое предприятие – это не прежний надежный колхоз, и если ориентироваться только на него, выживание невозможно. Но и полностью терять с ним трудовые отношения нельзя, потому что остается надежда на получение (пусть не на прежних, но все же льготных условиях) кормов для животных и других ресурсов. Поэтому один из членов семьи, чаще мужчина, продолжает «работать» в колхозе.

«Мужчины ходят каждое утро на наряд. По привычке. Посидят, покурят, поговорят – работы нет. Смотришь – сообразили на троих. Посмотрела я на это и говорю, хватит туда ходить, дома работы много, да и пользы больше» (из интервью: женщина 40 лет, с. Даниловка Саратовской области).

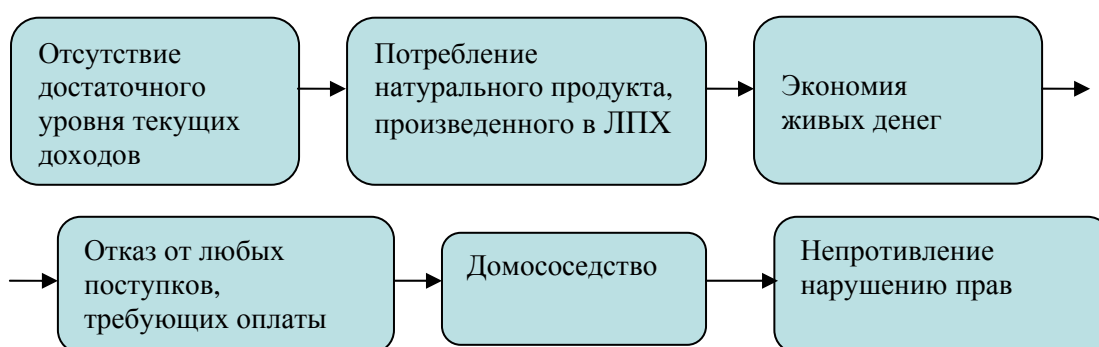
Как видно из слов респондента, наша гипотетическая семья, превратившись в реальную, оценила связь с нынешним крупным хозяйством отрицательно и без всякой надежды на позитивные изменения.

В то же время нынешний экс-колхоз – единственное место работы на селе, и коль скоро оно стало недоступным (работы там нет, а если есть, то без оплаты), остается лишь одна экономическая ниша – домашнее хозяйство, которое теперь из подсобного становится основным. Труд в нем ручной, тяжелый, монотонный, но семья к этому привыкла еще в колхозе. Социальное следствие этого – принятие членами семьи статуса сиротской неприязнительности, полного отказа от защиты своих ущемленных прав. Главный довод – не прогневить начальство и не оказаться в изоляции от сельскохозяйственного предприятия, единственного работодателя и источника надежды получить помощь в экстренных ситуациях. Ведь больше надеяться не на кого. Родственники, живущие по соседству, могли

бы помочь, но и они находятся в аналогичной ситуации, которую невозможно определить иначе как *тотальная несвобода*.

Ситуация, в которой находится большинство сельского населения, может быть определена и как социальная изоляция. Этим понятием обычно характеризуют группы людей или отдельного индивида, которые не имеют доступа к социальным благам, информации, не могут свободно перемещаться по территории своей страны и т.п. В таком положении находятся заключенные тюрем, что является карой за противоправные действия, совершенные ими, и потому воспринимаются как норма. В близком к этому состоянию могут оказаться жители поселений, удаленных от городов и транспортных магистралей, где ограничителями жизни людей стали не тюремные стены, а природные, территориальные и прочие условия. Понятно, что подобные ограничения непосредственно связаны со свободой, которая становится неполной, ограниченной, несмотря на то, что по Конституции на нее все граждане имеют право.

Образ жизни большинства жителей современных сел укладывается в следующую модель.

Обратим внимание на следующие факты. По результатам социологических исследований в Свердловской области¹, бездорожье беспокоит 46,2% фермеров и всего 4% работников сельхозпредприятий. У первых этот фактор среди негативных на 3-м месте, у вторых – на 12-м. В этих цифрах кроется не территориальный, а социальный смысл: материальное положение семьи тревожит 71% работников сельхозпредприятий, а среди фермеров таких просто нет.

Особенностью современной государственной стратегии в отношении села является поддержка крупных хозяйств. Делается это несколькими типичными технологиями: списание долгов (хотя львиная их доля еще висит на сельхозпредприятиях), лизинг, продажа горюче-смазочных материалов по немного сниженным относительно рыночных ценам и т.п.

Поддержка социальной сферы ограничивается подведением газопроводов к селам, хотя внутрипоселковая разводка на отдельные дома из-за отсутствия у селян денег часто затягивается на годы. Меньше стало фельдшерско-акушерских пунктов, почти повсеместно закрылись дома быта, детские сады.

Адаптация к переменам сельской семьи, включая детей, лиц среднего и старшего поколений, прошла несколько этапов. Идеи перестройки вызвали ожидания крестьян получить определенную свободу в выборе форм организационно-хозяйственной жизни, по крайней мере, внутри колхоза и совхоза. Аренда и подряд получили некоторое распространение в хозяйствах, возглавляемых грамотными руководителями. Элементы хозяйственной самостоятельности наряду с ростом оплаты труда привели к сбалансированности между затратами сил и времени в общественном и домашнем хозяйствах.

¹ Семин А.И., Курбатов А.П. и др. Отдельные результаты мониторинга социально-трудовой сферы села Свердловской области в 2000 году // Социально-трудовая сфера села: региональный опыт исследования. М., 2002. С. 33.

Уровень зарплаты в сельском хозяйстве накануне реформ сравнивался со средней зарплатой по народному хозяйству. Этот этап был высшим по уровню благ и возможностей, которые когда-либо имел крестьянин колхозной деревни.

Выдержки из писем пожилой деревенской женщины с 1988 по 2003 гг. из типичного для сельских регионов села Омской области (200 жителей) дают далеко не локальную, а всеобщую картину социодинамики адаптации.

1988 г.

Мы живем по старому – перестройки никакой не происходит, а стало еще хуже. Не знаем, до чего мы докатимся.

К зиме мы приготовились. Сена накопили, дров заготовили, картошки накопили и можно зимовать. Мясо будет свое – порежем свиней, лишних курей, так что нам, деревенским, не страшно, что в магазине пустые полки, а сладости мы не очень любим. Купили ведро меда, нам хватит до нового.

Второй этап начался с 1992–1993 гг., когда наряду с принудительной реорганизацией колхозов и совхозов произошел резкий скачок цен, снижение, а то и вовсе прекращение выплат зарплат, пособий, пенсий. Большинство населения переключилось на подсобное семейное хозяйство, ставшее с этого времени основным источником выживания сельской семьи.

1992 г.

У нас в деревне изменений нет никаких. Землю брать никто не хочет, да и некому брать – молодежи нету, а нам она зачем, что мы будем с ней делать, когда мы огород отрезали наполовину?

Так что пока можем, для себя будем держать коровку и выращивать все что нужно к столу. Мы сильно-то и не боимся. Неужели будет хуже, как было после войны? Ведь выжили, правда, люди были дружнее и трудолюбивее, чем сейчас. Ну проживем, увидим. Только люди привыкли к колхозам и совхозам и сейчас их пулями не разгонишь. Техники нет, а лопатами и тялками сейчас некому землю обрабатывать.

1999 г.

Такая была ферма! Все разобрали и растащили. Осталось два коровника. Давали нам ваучеры, сдали мы их и все, с концами... Теперь дали нам землю по 12 га. Вот у меня сейчас земли 24 га и дали мне за нее 2 мешка муки. Это ли не обман? Ездим в другие хозяйства и покупаем отруби для скота...

Зять работает в колхозе, по 100 руб. в месяц зарабатывает. Хорошо хоть Татьяна (это дочь моя старшая) присылает посылки, девочкам одежду.

В 1999–2003 гг. в политике отстранения государства от сельских проблем по существу ничего не изменилось, но многое изменилось в поведении сельского населения. Эти перемены заключаются в следующем:

- режим жизнеобеспечения замкнулся на минимизацию потребления по всему спектру потребностей – от одежды, питания до обеспечения детей-школьников набором школьного обихода;
- размер денежного (и натурального) дохода от домашнего хозяйства (ЛПХ) сравнивался в выплаченной заработной платой, хотя условия продажи изменились в худшую сторону (невозможность найти нишу на «колхозных» рынках, зависимость от перекупщиков);
- в социальных отношениях усилилась ориентация на использование неформальных связей;
- произошло (а) усиление процесса социального исключения не только неадаптивных, но всех других групп населения, и (б) почти полное исчезновение статусных границ между ними: бывшая доярка с начальным образованием и агроном с высшим образованием сравнялись по образу жизни, полностью замкнувшись на семейное подсобное хозяйство.

В настоящее время адаптивный процесс вступает в новую, третью стадию, суть которой заключается в закреплении и стабилизации ряда механизмов выживания сельского населения, сложившихся на основе рационализации ограниченных наличных ресурсов и использования опыта типичной крестьянской жизнестойкости.

январь 2003 г.

Жизнь продолжается, всеми силами стараемся ее улучшить, но увы... В колхозе меняют только названия, то АОО, то СПК, а дела все хуже, работают люди, а платить – не платят. Вот мой зять... последний раз получил за 5 месяцев 2 тыс. 500 руб., и все.

Держим 3 коровы, овец, два молодняка, кур 40 штук, свиней порезали, а маленьких будем брать весной, растить на мясо. Многие люди держали скот на сдачу, но теперь все меньше. Мясо сдать некуда, коммерсанты закупают по 30–35 руб. за кг, а корма дорогие, а их надо много. Пенсию получаю 1100 руб. – и это на 5 человек. Хватает на газ, на свет, на соль и сахар, да внучкам в школу.

март 2003 г.

Колхоз наш, наверное, рухнет. Не платят с мая месяца, техника ломается. Опять поставили нового директора. Два кармана набили – теперь третий...

Дочь работала киномехаником, потом гардеробщицей в школе, а теперь сократили. Это все отмирает в деревне. Теперь дома доит коров, а у нас их 3 шт. и два молодняка и 6 шт. овец, в мае возьмем поросят, 40 шт. курей. Были утки и гуси, но сейчас невыгодно – корм покупной. Но я тоже не сижу – все помогаю. Огород 80 соток. Половину садим картошкой, а вторую половину засеяли костром с люцерной. Это сено для телят. А коровам косим, где найдем. С Омска знакомая передает одежду, у нее сын в ОМОНе – рубашки, брюки, куртки, шинели, плащи. Я это все подделаю, перешибью и зятю, работать на тракторе – все пойдет...

август 2003 г.

Сейчас редко кому идут письма, но мне пишут дети, внуки, иногда братья, а вообще в деревню писем идет очень мало, и сумка у почтальона почти пуста. Люди газет мало выписывают, но я денег не жалею на газеты и конверты, выписываю и себе и внукам. Телевизор смотрим, находим время, купили новый цветной с пультом. Сдали кабана и две овцы и купили. Сейчас очень трудно что-то купить. Все такое дорогое. Холодильники два старые пока работают. Сепаратор вообще старинный, на 10 литров бак, а новые берут на одну неделю и ломаются. Радио у меня в спальне, ему уже 16 лет, а новое уже молчит, ему два года и в ремонте было три раза. А жить стало намного хуже и опасно, за себя не боюсь, уже пожила, а за внучек.

Тут все пьют и на работе и дома, как перед погибелью – все с ума походили, и женщины и мужчины.

...у нас сейчас кооператив (СПК), но нам от этого не легче. Все что надо, покупаем у фермеров – муку, зерно, а в кооперативе нет ничего и взять нечего.

Лечимся мы в основном травами, особенно я, но опять надо все в меру, это тоже лекарство...

сентябрь 2003 г.

...Зятю так и не платят, вернее всем рабочим, а дали к школе по 500 руб.

Коммерсанты привезли уголь на дом, предлагают... Посмотрели – уголь хороший, но и деньги хорошие – 800 руб. тонна. 4 тонны – 3200 руб. Таких денег дома нет, заняли до пенсии. Пенсию получила, отдала, а сами остались без копейки. Зато нам угля хватит на два года, дрова уже в дровнике, сена заготовили, но еще зятю обещают дать силос для коров. Сейчас пока дали 5 центнеров комбикорма, это 10 мешков, пока хватит, а там еще обещали. Дали 1 мешок муки, хлеб я свой пеку. Зарезали барана на мясо, в магазине все дорогое.

Кому надо в райцентр, собираются 4 человека, отдают шоферу по 60 руб. и едут. Сейчас машины у многих, вот и таксуют. У зятя тоже Москвич-412, но он сломался, а делать не на что. Сейчас воруют еще больше, в колхозном стаде пропадают коровы и кони, а у людей овцы, но вроде меньше. Наша шайка еще сидит, только один пришел, ему год давали.

Как видно из свидетельств, характеризующих социальную биографию типичной сельской семьи (пожилая женщина, ее дочь, зять, внучки), она нашла нишу адаптации к новому социально-экономическому режиму. Но это приспособление включает новые ограничения жизненной перспективы. Отсутствие упоминания в письмах общественных форм поддержки можно оценить как неактуальность этого института, свидетельство привыкания к практике безразличия «колхоза» (современных сельскохозяйственных предприятий) к нынешним и бывшим членам сельской общины, к тому, что единственный источник поддержки – только родственники и элементарные формы самопомощи.

В целом доля испытывающих понижение своих возможностей за последнее десятилетие, составляет 47–50% взрослого населения страны. Доля тех, кто нашел более или менее надежные способы решения или смягчения жизненных проблем, составляет 18% в городе и от 7 до 22% на селе².

Как люди понимают свободу? В индивидуальную свободу наибольший вклад вносит материальная составляющая. Как показывают исследования М.А. Шабановой, материальная ось составляет 77% среди всех векторов, фактор возможности улучшить жилищные условия – 71%, далее идет ось стабильности жизненных позиций – 70%, профессионально-трудовая и образовательные оси – 54 и 58%, на следующем месте безопасность жизни – 45%, возможность получить хорошую медицинскую помощь – 43%³. Подобное состояние объясняется тем, что появились ограничители свободы – старые и новые, постоянные и временные, естественные и искусственные, социетальные и социальные, статусные и личностные, вынужденные и добровольные, юридические и моральные, вертикальные и горизонтальные, реальные и мнимые, основные и второстепенные, осознаваемые и не осознаваемые.

Соотнесение этих данных с рядом индикаторов по Саратовской области, в частности с самооценкой своего благополучия за десятилетний период, показывает следующее: из 17 показателей 11 приобрели более высокое значение, на это указали 64% опрошенных селян⁴. Возросло число тех, кто имеет приватизированный дом, автомобиль (14%), холодильник (23%), цветной телевизор (в 1,7 раза больше), баню (9%). Больше стало семей, имеющих водопровод, канализацию, что говорит не только об инициативе по улучшению своего личного благополучия, но и о том, что некоторые позитивные сдвиги произошли в жилищно-коммунальном хозяйстве села. Это не означает, что лучше стали жить столько же сельских жителей. Доля тех, кто по самооценке живет лучше других, составляет 4% (в 1992 г. – 2,6%). Однако и удельный вес тех, кто считает, что живет «как все», за 10 лет также осталась неизменной (56 и 57%). Не изменились пропорции и тех, кто и в 1992 г. и ныне посчитал, что они живут хуже других людей в своих селах (28%). Если сложить высокие (4%) и средние (56%) оценки по критерию благополучия, то эти цифры почти полностью совпадают с теми, что получаются при оценке наличия или отсутствия предметов хозяйства и домашнего обихода. Это позволяет говорить о том, что около половины сельских семей выработали механизмы выживания, т.е. адаптировались с ограничителями разного рода.

Парадоксальность демонстрируют оценки жизненных обстоятельств, сделанные в оптимистической или пессимистической тональности. По сравнению с 1993 г. оптимистов стало на 3% больше, и одновременно увеличилось почти в три раза число пессимистов. Например, частота выбора альтернативы «я очень беспокоюсь за будущее, свое и своих

² Шабанова М.А. Три оси трансформационного пространства и свобода // Россия, которую мы обретаем. Новосибирск: Наука, 2003. С. 133.

³ Там же. С. 127–128.

⁴ Материалы мониторинга социального благополучия сельского населения Саратовской области, проводимого лабораторией социальной структуры и социодинамики села Института аграрных проблем РАН с 1992 г. (№ 475).

близких» возросла в два раза. Эти ответы становятся более понятными, когда оценивается возможность обучения детей, получения ими средне-специального и высшего образования. В два раза сократилась численность респондентов, считающих, что они имеют возможность дать детям высшее образование. Аналогично обстоит дело с полным средним образованием. Осталось неизменным обучение в профессионально-технических училищах и средних специальных учебных заведениях. В то же время родители, старшее поколение села ориентированы на то, чтобы их дети, внуки в основном получили высшее образование и переехали жить и работать в город (см. табл. 1).

Таблица 1. «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети или внуки...», %

	1993 г.	2002 г.
получили высшее образование	57,9	65,4
переехали жить и работать в город	13,6	33,1
работали в сельском хозяйстве	27,4	3,3
стали фермерами	7,7	2,4
работали на частном предприятии	3,9	2,8
открыли собственное дело	19,7	24,5

Следующая группа эмпирических данных характеризует такие явления, как социальная изоляция и социальная отстраненность, объединенные в блок вопросов «Выезды в город». В основном люди бывают в городе несколько раз в год (63,8%); несколько раз в месяц бывают 17%, никогда не выезжают в город 15,6%. Поездки эти никак не отражают потребности крестьян в типично рыночных взаимодействиях с городом – продавать продукцию. Как и десять лет назад, выезжали с этой целью всего 6%, на поиски работы 1%, в учреждения культуры 9%, в учреждения быта 7%. Основная масса выезжает либо к родственникам, либо к друзьям, либо в медицинские учреждения.

Эти данные подтверждают тот факт, что такая экономическая практика для сельских жителей, как продажа продукции, произведенной в ЛПХ, распространена крайне слабо, так же как и отсутствует налаженная система сбыта по месту жительства. Поэтому если и происходят обмены ресурсами, то они не выходят за рамки социальных сетей, включающих городских родственников и друзей.

Перемены, связанные с уровнем удовлетворенности состоянием производственной среды, быта, возможностями для отдыха и получения образования, отражены в табл. 2.

Таблица 2. Какими условиями Вашей жизни Вы удовлетворены?, %

	1993 г.	2002 г.
возможность выбора мест работы	43,8	30,0
условия труда	16,7	7,4
отношения с односельчанами	38,8	45,0
доходы	8,0	6,0
обеспечение продуктами питания	25,4	15,9
жилищные условия	41,5	29,6
условия для воспитания детей в семье	14,7	10,3
возможность для образования	3,3	4,3
возможности для отдыха	9,4	2,5
возможность ездить в город	25,3	5,2
доступность врачебной скорой медицинской помощи	8,1	4,5

Как видно, ухудшились возможности трудовой занятости, условия труда, доходы, продукты питания, жилищные условия, возможности для поездки в город (почти в 5 раз), медицинская помощь (в 2 раза).

Итак, наряду с немногочисленной группой восходящей адаптации существуют слои, которые выработали механизм выживания в основном самостоятельно, воспринимая созданную институциональную систему в государстве как один из ограничителей, но не как поддержки и защиты их интересов. В то же время они «опривычили» новые формы социальной изоляции: поляризацию на очень богатых и очень бедных, недоступность многих, ранее распространенных благ культуры, преступность, детскую беспризорность, наличие нищих, бомжей. Осознание того, что есть люди, живущие еще хуже, чем они, выступает в качестве сублимирующего фактора оптимизма.

В сложившейся ситуации оказался как никогда прежде востребован опыт пожилых селян. Бережное расходование физических сил, регулирование нагрузки своих взрослых детей стало одной из общих социальных стратегий. В прошлые времена, если крестьянин, трудящийся на своей земле, так усердствовал, что надрывался, то он становился объектом порицания со стороны сообщества (общины). Пожилые испытали на себе режим нагрузки в колхозном производстве, который был изнурительным для женщины: носить десятилетиями вручную силос для коров, тяжелые фляги с молоком – все это отразилось на здоровье. Сейчас, когда их взрослые дети стали свободны от занятости на сельскохозяйственных предприятиях и полностью сосредоточились на содержании скота и птицы в своем хлеву, именно старшее поколение становится главным советчиком по рационализации трудовой нагрузки. Естественно, часть забот они берут на себя. Трудный опыт пожилых стал ресурсом, смягчающим жизненные проблемы остальных групп селян.

Самой большой ошибкой аграрной реформы стал подход к преобразованиям как бы с «чистого листа». Реформаторы ориентировались на то, что в XIX в. крестьяне трудились на своей земле, что многие из них охотно выделялись из общины в ходе столыпинской реформы. Предполагалось, что крестьянин натерпелся несвободы в колхозе, и теперь он непременно воспользуется возможностью работать самостоятельно, на частной земле. Однако понимание свободы всегда вписано в исторический и культурный контекст конкретного общества. Фактически это означает, что человек с рождения, являясь членом семьи, группы, общества в своем поведении жестко ограничен имеющимися в каждый исторический момент условиями и общепринятыми нормами.

Без сомнения, традиционный российский крестьянский уклад жизни был существенно модернизирован в советский период. Если взглянуть на социальные качества сельских работников в контексте самостоятельности хозяйствования и предпринимательства, то оказывается, что такими характеристиками обладают единицы на сотни и тысячи индивидов. Остальные на протяжении всего постреформенного периода были и остаются приверженными исключительно наемному труду.

В конце этапа перестройки на селе активно распространились такие формы, как аренда и подряд. Результаты исследований тех лет подводят к выводу, что именно эти внутривладельческие образования могли бы послужить механизмами постепенного вхождения селян в рыночный режим жизни. Обратимся к данным исследования практик самого начального опыта хозяйственной самостоятельности крестьян⁵.

Самодисциплина. Если сгруппировать причины несоблюдения договора со стороны хозрасчетных подразделений, то этот ряд будет выглядеть следующим образом:

- многие (34% ответов) не умеют работать в условиях хозрасчета (стремятся отвечать только за себя, слаба взаимовыручка и т. д.);
- не хватает знаний и навыков для выполнения некоторых работ (25% всех опрошенных);

⁵ Дмитриев А.И. Преодоление отчуждения. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1990. (Опрос 1989 г. членов арендных звеньев в совхозе «Калининский», №=120.)

- нет большой материальной и моральной заинтересованности (23%).

Одним из критериев включенности в хозрасчетные отношения является знание работниками хозрасчетного подразделения технологии производства (технологической карты). Результаты опроса показывали, что подробно и полностью технологическую карту знают только 26% принявших участие в опросе. Большинство работников хозрасчетных подразделений знали технологические карты лишь в общих чертах или приблизительно. Более того, около одной трети всех рабочих считали, что точное соблюдение технологической карты не обязательно.

Снижение себестоимости не стало объектом интереса непосредственных исполнителей. Если по количеству полученной продукции, ее качеству и оплате труда работники характеризовали свое подразделение более или менее определенно (35, 23 и 21% соответственно заявили, что у них результаты «более высокие»), то по затратам ресурсов позитивно оценили работу своих подразделений только 7%. Та же тенденция выявилась в сравнении числа не ответивших на эти вопросы. Уклонились от сопоставления результатов своих коллективов по количеству полученной продукции 15% респондентов, по качеству продукции – 23%, по уровню оплаты труда – 23%, а по затратам ресурсов – 31%.

Учет меры трудового вклада каждого работающего. Подавляющее большинство опрошенных подтвердило необходимость применения коэффициента трудового участия (КТУ) при коллективном подряде. Однако почти одна треть затруднилась или не ответила на вопрос о том, на какую часть заработка он распространяется. И вообще, практика применения КТУ оценивалась весьма неоднозначно. 50% респондентов, например, считали, что КТУ распространяется на весь заработок, а 18% – на дополнительную оплату. Тот факт, что он учитывает уровень классификации, отметили 35% опрошенных, 31% ответили, что КТУ учитывает «невыполнение распоряжений администрации, нарушения трудовой дисциплины».

Интересно, что из предложенных альтернатив «Кто больше заинтересован в распределении заработка по КТУ, коллектив хозрасчетного подразделения или администрация?», распределение ответов оказалось следующим: заинтересованность хозрасчетного подразделения отметили 34% респондентов, администрации – 12%, обоих субъектов – 31% опрошенных.

Проблема коллективизма. На вопрос, надо ли помогать «соседям» по работе, 53% опрошенных ответили «нет, не всегда». Одна треть считала, что те, кому оказывается помощь, «привыкнут больше надеяться на других, чем на себя»; 36% респондентов решили, что «при хозрасчете помогать другим можно только в исключительных случаях, а так – невыгодно».

Вопрос: «Почему Вы не вмешиваетесь, когда видите недостатки?», выявил устойчивый социальный стереотип: «Все равно ничего не изменится» (28% опрошенных). Следующий по значимости ответ носит тоже социальный характер: «Не хочу иметь неприятности» (19%).

Результаты опроса показали, что отказ в помощи другим подразделениям – это не просто нарушение условий договора, которое может произойти из-за различных обстоятельств производственной деятельности (загруженность работой, выбытие по болезни, отпуску членов бригады и т. п.). «Невыгодность помогать “соседу”» – это позиция коллектива, так называемая групповая норма. Отказ от практики взаимопомощи между хозрасчетными подразделениями можно понять и как первый позитивный результат арендной практики – рост личной ответственности людей за собственные статусные позиции.

Важно отметить одну сторону арендно-подрядного эксперимента в сельском хозяйстве: в состав звеньев, которые, возможно, впервые за всю колхозную историю складывались по волеизъявлению самих участников, входили те, кто были совместимы между собой, прежде всего по прилежанию к труду и взаимному доверию. Уже тогда многие селяне, привыкшие экономить силы на колхозной работе, чтобы реализовать их на работе в семейном хозяйстве,

оказались невостребованными. Еще больше таких стало после приватизации государственных и кооперативных, ликвидации коллективных хозяйств.

Опыт внедрения внутрисовхозного хозрасчета позволяет сделать следующие выводы.

(1) Аренда приживалась плохо, прежде всего, потому, что с крестьянином велась нечестная игра. С одной стороны, сельчанин хозяйствует самостоятельно, но с другой – «контора» на всякий случай учитывает его труд по старым нормативам. Каких-либо прав выхода на самостоятельные связи с контрагентами, т.е. без посредничества совхоза, не было.

(2) Вся так называемая «внешняя система» (банки, торговля, снабжение и т. д.) не была приспособлена к новым условиям хозяйствования, а кадры этих учреждений и организаций субъективно не воспринимали никакую инициативу снизу. Начнет, к примеру, арендное звено продавать молоко из сверхплановых резервов рядом с государственным магазином – появятся десятки противников, лишь бы изжить конкурента, предлагающего лучшее по качеству и более дешевое молоко.

(3) Тот факт, что на формирование позитивных качеств хозяйственной самостоятельности и личной ответственности пусть еще несовершеннолетних, но все же заметных, понадобилось 8 лет, говорит о сложности этого процесса. Вероятно, если бы такая практика не прервалась, то вхождение крестьян в рыночную экономику было бы более безболезненным, а АПК демонстрировал лучшие экономические результаты. Хотя и ныне применяется внутрисовхозный хозрасчет, но его эффективность снижается тем, что подавляющая часть сельскохозяйственных предприятий являются псевдокапиталистическими, своего рода симбиозами постсоветских и общинных начал выживания⁶.

Выводы

1. Сельскохозяйственные предприятия в России, возникшие в результате реформирования, оказались в трудном положении. Например, если в 1990 г. сельскохозяйственные предприятия производили 73,7% общего объема продукции, то в 1999 г. только 40,3%⁷. В 1991 г. сельскохозяйственные предприятия закончили с уровнем рентабельности 43%, в 1995 г. – 2,3%, в 1998 г. – минус 28%⁸. Начиная с 1999 г. ситуация несколько изменилась к лучшему, но работников преобразованных коллективных хозяйств можно лишь с определенной долей условности отнести к субъектам предпринимательской деятельности. Реальными субъектами являются руководители хозяйств, которые принимают ответственные решения, определяют экономическую стратегию, хозяйственную тактику и т.д. Часто вся эта деятельность оказывается непрозрачной.

2. Сельское население уже более десяти лет пребывает в пространстве тотальной несвободы, обусловленной отсутствием возможности существенно изменить что-нибудь в своей жизни. Новым сельскохозяйственным предприятиям, резко сузившим объемы производства, не нужно большое (равное числу трудоспособных людей села, где они базируются) работников. Из этого следует:

а) крестьяне готовы работать за любую самую мизерную оплату, лишь бы не чувствовать полную изоляцию и не потерять связи с предприятием;

⁶ Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991–2001 гг. М.: Финансы и статистика, 2003.

Доля стабильно функционирующих сельскохозяйственных предприятий составляет 15–22% от общего числа сельхозпредприятий [Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России. Новосибирск, 2000. С. 73–84].

⁷ Российский статистический ежегодник. 2000. С. 365.

⁸ Там же. 2001. С. 402.

б) у менеджмента сельскохозяйственных предприятий формируется вседозволенность. «Не хочешь, как я велю, – забирай свой земельный пай и живи сам по себе», – так формируют свое отношение руководители хозяйств к рядовому работнику, хорошо зная, что у него нет реальных альтернатив.

Крестьянин вынужден принимать любые формы несвободы, которые принесла ему аграрная реформа. Из-за бедности он не может сменить место жительства, если вступит в конфликт с местной властью, и не может сменить место работы, т.к. единственным работодателем является местное АО, СПК, ТОО (если таковое есть в данном селе).

3. Организация хозяйствования с опорой преимущественно на наемный труд является неизбежностью в перспективе будущего, что связано с двумя группами причин.

Во-первых, в селах почти приостанавливается демографическое воспроизводство населения, поскольку резко уменьшается число женщин фертильного возраста. Практически все выпускники школ уезжают из села. Из 300 выпускников одной из средних школ Саратовской области, окончивших 9–11 классы за 5 лет, свою судьбу с селом связали лишь двое.

Во-вторых, те, кто все же возвращается в деревню, например, молодые мужчины после службы в армии, автоматически становятся наемными работниками. У них нет ни земельного, ни имущественного пая: все разделено много лет назад, а в соответствии с правовыми установками начала аграрной реформы резервного фонда не предусмотрено.

Таким образом, источники трудовых ресурсов сельского хозяйства ставятся под вопрос, равно как и сама экономика села в ее нынешнем виде. Видимо, через 20-30 лет увеличатся зоны безлюдия в сельской местности, поскольку исчезновение малых и средних сел и деревень идет весьма динамично.

4. Тем не менее, это вовсе не означает гибель российского сельского хозяйства. Оно станет другим: найдутся инвесторы (уже сегодня фирмы переработки сельскохозяйственного сырья начали вкладывать средства в производство сырья для себя, так как это экономически более выгодно, чем надеяться на случайного продавца), которые будут осуществлять вложения в урожай, как и ныне некоторые металлургические и химические компании реализуют свои интересы в АПК. Причем урожай – не единственный объект инвестиций. При исчезновении сельского механизатора придется вкладывать средства в их подготовку, что будет многократно дороже, чем обучение сельской молодежи в обычных ПТУ: их придется найти, заинтересовать, дать профессиональное образование, создать минимум условий для временного или постоянного проживания в селах, утративших коренных жителей и пр. Этот процесс подталкивает образование крупных хозяйств и крупных землевладельцев, что уже неоднократно наблюдалось в Европе, начиная с древней истории. Государственная власть не может допустить, чтобы обезлюдившие земли не имели хозяина.

5. Возможности социального воспроизводства села определяется не только и не столько уровнем доступности благ в пространстве социальной сферы. Ключевые вопросы кроются в возможности реализации основных потребностей сельской семьи – от доступности трудовой занятости до всех других предпосылок благополучного социального настроения.

Анализ ресурсов в контексте доступности и надежности их как источника адаптации сельского населения показывает, что основная часть их находится внутри сельского поселения. Поэтому основная тенденция, характерная для адаптационных стратегий большинства сельского населения, – это ориентация на потенциал локальных сообществ, формы местной организации жизнедеятельности.

Будущее российского села во многом определяется возможностью и умением власти создать адаптационные механизмы к рыночным условиям и регуляторы его дальнейшего существования (в дополнение, а иногда – в противовес «стихийно- и псевдорыночным» условиям). Вновь возникшие сельскохозяйственные предприятия в силу рыночной

рациональности устраняются от общих расходов на обустройство социальной жизни деревни. По существу наметилось расхождение векторов их сосуществования и движения в будущее, что губительно в конечном счете для того и другого: общество долго не может существовать на принципах самопомощи, а предприятие в перспективе потеряет последний рынок труда.

б. Роль государства заключается в самоограничении своего вмешательства в дела деревни, когда это мешает ее саморазвитию и, наоборот, в активной поддержке таких процессов социального и экономического развития, развитие которых невозможно без государственного участия. Очевидно также, что большая роль должна принадлежать органам местного самоуправления с соответствующим расширением их полномочий.